

Труд. — 1999
16 янв. — с. 1, 5

ВЕК ПУШКИНА

ДОЙДЕТ ЛИ ДО НАС ЧЕРЕЗ ТОЛЩУ ВРЕМЕНИ РЕАЛЬНЫЙ, ЖИВОЙ, А НЕ ПРИДУМАННЫЙ ОБРАЗ ПОЭТА? ОТ КОГО И ОТ ЧЕГО ЭТО ЗАВИСИТ?

Чем дальше уходит от нас пушкинская эпоха, тем интереснее, важнее, дороже становятся нам живые частицы давней реальности — тот воздух, которым Пушкин дышал, когда жил и творил.

Семен Степанович Гейченко создал в Псковской области Пушкиногорье — уникальный музей-заповедник, где можно почти физически ощутить присутствие Пушкина и его персонажей. Сегодня здесь трудится новое поколение музейных работников во главе с молодым директором Георгием ВАСИЛЕВИЧЕМ.

Приближается 200-летие Пушкина, утверждена большая программа подготовки к юбилею, в том числе масштабная реконструкция музейных объектов. Работы много, она в самом разгаре. Когда мы разговорились, выяснилось, что беспокоят директора не только объемы и сроки неотложных работ, проблемы организации, снабжения и финансирования, но и нештуч-

ные идейные страсти и противоборства, продолжающиеся и сегодня кипеть вокруг музея.

— **Георгий Николаевич, чего добиваются ваши оппоненты? Вот читаю в одной из коммунистических газет очередную "отповедь", выдержанную в традиционном жанре псевдопатриотических стенаний и причитаний. Вас обвиняют в разрушении того, что создал Гейченко, в посягательстве на пушкинские святыни...**

— Да, так и пишут: "Михайловские рощи — это намоленная икона", которую Василевич, дескать, хочет осквернить. И это еще не самые обидные слова, которыми меня стараются уязвить. Но я принял за правило не отвечать на

подобные выпады. Мои аргументы — конкретное дело и его результаты. Например, усадьба в Тригорском. Мы завершили реконструкцию этой части Пушкиногорья. Результат настолько нагляден и убедителен, что никто не осмеливается его оспорить. Уверен, то же будет в Михайловском.

А пока здесь и в самом деле не очень красиво: работают экскаваторы, прокладываются коммуникации, повсюду отвалы земли...

(Окончание на 5-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— **В старых пушкинских аллеях? Где стоят вековые липы, которых касалась рука Александра Сергеевича?**

— Вот-вот... Именно так реагируют некоторые нервные люди и пишут в газеты, называют меня "директором-геростратом", требуют призвать к ответу за надругательство над святыми местами. А того не понимают, что дерево, как и всякое живое создание, способно стареть, болеть, умирать. Когда болеет, оно заражает соседей, вся аллея превращается в этакое лазарет, и такое состояние парка более губительно для образа пушкинской усадьбы, чем необходимые работы по замене больных деревьев молодыми и здоровыми. При этом общий облик усадьбы, ее характерный ландшафт не только остаются нетронутыми, но и приобретают с нашей помощью более точные, более правильные черты.

— **Более правильные? Вы что же, редактируете Гейченко? Исправляете по своему усмотрению текст "музейной поэмы", которую он сотворил?**

— Гейченко был гениальный музейщик. То, что он создал, — великолепная авторская работа, не нуждающаяся в редактировании. Мы делаем либо то, что он и сам хотел исполнить, но не успел, либо идем дальше, но в том же направлении. Уверен, если бы Семен Степанович мог видеть нашу работу, он бы ее одобрил. Ведь свою "поэму" он творил постоянно, до последнего дня что-то менял в ней, что-то к ней прибавлял... Наши оппоненты видят Пушкиногорье как нечто законченное и застывшее в своем величии. Подозреваю, что примерно так же они воспринимают и самого Пушкина. А мне ближе мнение Белинского, который назвал Пушкина "движущимся явлением". Жизнь не стоит на месте, общество развивается, и вместе с ним движется в сознании общества Пушкин со всем своим духовным наследием.

— **Сейчас в моде выражение "век Пушкина". Что имеется в виду, как вы думаете?**

— Наверное, наш нынешний век. Хотя Александр Сергеевич жил и творил в девятнадцатом, но

ВЕК ПУШКИНА

осознание этой фигуры как великого национального достояния началось с известной речи Достоевского и затем, в течение всего двадцатого века, это понимание все более укреплялось. Станет ли новое, наступающее столетие тоже веком Пушкина? Важно, чтобы он продолжал занимать свое место среди нас как живой современник, о котором Андрей Платонов сказал: "Пушкин — наш товарищ". Если мы будем нести его в новое тысячелетие подобно иконе, произнося клятвы верности и расточая молитвы, вряд ли он останется нашим товарищем и верным попутчиком. Так мы, пожалуй, его потеряем. Думаю, этого не случится. Верю, что он может стать тем духовным звеном, которое свяжет в единый "век Пушкина" все три столетия — девятнадцатое, двадцатое, двадцать первое...

— **Однако существуют незыблемые, канонические черты Пушкина как явления мировой культуры и национальной святыни. Есть пушкинистика — целая наука с академическим институтом, десятки и сотни авторитетных пушкиноведов...**

— Верно. И нас иногда упрекают: почему не посоветовались с выдающимися филологами и литературоведами, прежде чем подписывать договоры на производство строительных работ... Разве не абсурд?

— **По-моему, не абсурд. Согласитесь, что своими действиями в Пушкиногорье вы —вольно или невольно —искажаете некоторые черты академического пушкинского портрета.**

— Сохранять академические черты — задача важная, и отчасти музей ее выполняет. Допускаю, что ученые-пушкиноведы в спорах с нами бывают по-своему правы. Например, когда требуют серьезного изучения сохранившихся документов пушкинской эпохи, чтобы максимально точно и полно воссоздать ее облик. Правильно, спорить тут не о чем. Именно над этим сейчас трудятся не толь-

ко ученые-текстологи и специалисты музейного дела, но и реставраторы, парковеды, гидрологи, дендрологи... С помощью ученых-дендрологов составлена подробная карта деревьев Михайловского парка, "персонально" по каждому дереву: состояние здоровья, чем болеет, как лечить, а если лечить уже поздно, что и как с ним делать, чтобы нанести минимальный ущерб растительному окружению, а главное — не испортить ландшафт, не исказить до неузнаваемости его внешний вид.

Кстати, нынешний вид пушкинского ландшафта весьма отличается от того, что мог видеть в свое время Александр Сергеевич. И тут возникает дилемма. Чего мы хотим от музея-заповедника? Зафиксировать здесь наше сложившееся представление о Пушкине, основанное на его сочинениях, на академических исследованиях о нем? Или воссоздать все то далекое, давно ушедшее, чем Пушкин жил, что воспева? Увидеть то, что он видел, почувствовать то, что он чувствовал, — вот в чем суть нашей концепции музея-заповедника, с которой наши оппоненты не могут или не хотят согласиться.

— **Мне думается, что этот затянувшийся спор отражает не просто борьбу сторонников двух разных концепций музея-заповедника. По сути, речь идет о том, как следует относиться к классическому наследию искусства, культуры...**

— А что такое классика? Она принадлежит вечности, но каждое новое поколение ищет и находит в классических произведениях то, что нужно ему сегодня, сейчас. В этих бесконечных интерпретациях классика сохраняет свой смысл, свою вечную ценность. "Лукоморье", созданное трудом и талантом Гейченко, — яркая и масштабная иллюстрация к сочинениям Пушкина, к его сотворенному миру. В этом смысле Гейченко тоже художник, сотворивший свой мир, образы которого очень хорошо отражают современные представления о Пушки-

не, о его творчестве. Но иллюстрация не может быть канонической. Пройдут годы, та же книга попадет в руки другому художнику, и он сделает другие иллюстрации.

— **Понимаю. Ваши противники сердятся потому, что их привычному и, так сказать, официально утвержденному образу Пушкиногорья вы хотите противопоставить свой образ, представляющий вам более правильным. Так?**

— Совершенно не так. Ни с кем не споря, никому ничего не навязывая и не противопоставляя, мы хотим вернуть Пушкиногорью его собственный образ — тот, прежний и давний... Если хотите, вернуть Пушкиногорье самому Пушкину.

— **Интересно. И для этого на месте старых, наполовину умерших липовых аллей посадить новые, молодые деревья...**

— Мы делаем все для того, чтобы продлить жизнь старинным

новым цветам, но и полутона — изображение становится ярче, богаче. Существующий музей-заповедник — это в основном усадьбы и то, что за ними: парки, пруды и так далее. А передний план, а перспектива? А тот самый вид из окна, который тоже должен быть подлинным, пушкинским? Что видит из окна усадьбы нынешний посетитель? Заброшенные совхозные угодья, теряющие свою форму пространства, заросшие диким кустарником. И мы понимаем: с этим тоже надо что-то делать.

— **Вы хотите "отреставрировать" весь пейзаж, до самого горизонта?**

— Пожалуй, это сверхзадача наших трудов. Решить ее вряд ли удастся нам, нынешним музейщикам. И не только потому, что не хватит умения, знаний, денег или технических возможностей. Сегодня сама российская реальность препятствует решению подобных задач.

— **Что вы имеете в виду?**

— Ну вот представьте себе. Работали мы в Тригорском. Обновили парк, вычистили аллеи, и одна из них вышла на границу усадьбы так, что открылся вид на непаханое поле, заросшее бурьяном. Представили?

— **Представил. Ну и что?**

— А то, что при Пушкине такого не могло быть. Тригорское в начале прошлого века — одно из богатейших и красивейших усадебных хозяйств. Не зря Пушкин так часто и с таким удовольствием посещал хлебосольных соседей. Безбедно и основательно жили в Тригорском и господа, и крестьяне, работавшие не покладая рук. Хлебные поля зеленели или колосились, или были распаханы, что составляло естественную и симпатичную часть пейзажа, столь милого сердцу поэта. А если бы он прошел по аллее и увидел заросли бурьяна? Вряд ли родились бы в его голове красивые рифмы...

— **Вы хотите сказать, что для полноценного восстановления пушкинских пейзажей следовало бы и сельские угодья во всей округе привести в должный вид, и сельским жителям, со всей неприглядностью их нынешнего бытия, вернуть облик здоровых, сытых и облаканных добрыми господами мужиков и баб?**

— Речь не идет о возвращении к образу жизни дворянской усадьбы, это невозможно, да и не нужно. Нам бы хотелось вернуться к важнейшим основам и традициям старинной русской жизни, когда создавались и существовали усадьбы Осиповых, Ганибалов, Шелгуновых, о которых Пушкин писал: "Везде следы дольства и труда". В этом я вижу одну из важных сторон того влияния, которое может и должен оказывать пушкинский музей-заповедник. Если сегодня невозможно изменить к лучшему облик и содержание окружающей жизни, то хотя бы заставить людей задумываться об этом, наводить их на мысль, что они и сами могут стать другими, и жизнь свою переделать по правильному, красивому образцу. А иначе зачем нам Пушкин?

Беседовал
Игорь ЛИТВИНЕНКО.
ФОТО ЮРИЯ ЛЕПСКОГО.